

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

КОСМИЧЕСКАЯ ЧУМА

Георг Оливер Смит
Космическая чума

Оригинальный перевод

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=155691

Содержание

1	4
2	9
3	23
4	33
5	46
6	61
7	73
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Георг Оливер Смит

Космическая чума

Моему спившемуся дяде Дону и, конечно, Мариан

1

Я очнулся из забытья и убедился, что на меня больше не давит пара тонн искореженного автомобиля. Я лежал на мягких простынях, укрытый лишь тонким и легким одеялом.

Я весь горел, будто сплошной сташестидесятифутовый нарыв. Правая рука онемела, а левое бедро здорово саднило. Дыхание напоминало уколы рапирой, а кожу лица будто разрезали на мелкие кусочки. На глазах лежала повязка, и вокруг было тихо как в могиле. Но я знал, что нахожусь ни в какой не в могиле, ибо мой нос работал достаточно хорошо, чтобы безошибочно определить ни с чем не сравнимый приторный запах, характерный для больницы.

Какая-то добрая и отважная душа вытащила меня из автомобиля прежде, чем пламя охватило топливные баки. Я надеялся, что, кто бы он ни был, у него хватило ума первой вытянуть из железного месива Катарину. Мысль о жизни без Катарины была невыносима. И поэтому я позволил черному сумраку окутать меня вновь, ибо он приглушал боль, как

физическую, так и душевную.

Когда я снова очнулся, было светло, и приятный мужской голос произнес:

– Стив Корнелл, вы меня слышите?

Я попытался ответить, но мне не удалось издать ни звука. Даже хрипа.

Ко мне обратились вновь:

– Не пытайтесь говорить, Стив. Лучше думайте.

«Катарина», – тут же подумал я, потому что большинство медиков были телепатами, а не эсперами.

– Катарина в порядке, – ответил он.

«Могу я ее увидеть?»

– Увы, сударь, – быстро ответил он. – Вы испугаете ее до полусмерти.

«Неужели я так плох?»

– Да, Стив. Сломаны ребра, открытый перелом левой ключицы, сломаны предплечья. Шрамы, ушибы, ссадины, несколько ожогов, остаточный шок. И, если вас это волнует, ни следа Мекстромовой болезни.

«Мекстромовой болезни?» – мои мысли подернулись ужасом.

– Не стоит, Стив. Я заметил бы ее хотя бы потому, что это моя специальность. Не бойся.

«Отлично. Но сколько я здесь лежу?»

– Восемь дней.

«Восемь дней, и вы не справились с обычной работой?»

– Вам здорово досталось, Стив. Так что пришлось потрудиться. Но теперь, я полагаю, вы расскажите мне, что случилось?

«Мы с Катариной бежали. Так сделало большинство других пар, с тех пор, как в Институте Райна стало трудно хранить личные тайны. А потом разбились».

– Как это случилось? – спросил доктор. – Такие эсперы, как вы, обычно чувствуют опасность задолго до ее появления.

«Катарина обратила мое внимание на странный дорожный знак, и я отвлекся, стараясь припомнить что-либо подобное. Мы налетели на упавший ствол дерева и несколько раз перевернулись. Остальное вы знаете».

– Ужасно! – сказал доктор. – Но что за знак так приковал ваше внимание, что вы не заметили даже дерева?

«Странный знак, – подумал я. – Декоративный железный диск с завитками и маленькими кружочками, похожий на новенький бойскаутский значок, подвешенный на трех спицах. Одна из букв была оторвана. Я растерялся, потому что никак не мог представить себе, как можно было ее сбить, не повредив центральную конструкцию. Ну, а потом – удар».

– Это весьма прискорбно, Стив. Но через некоторое время с вами будет все в порядке.

«Спасибо, доктор. Доктор?...»

– Простите, Стив. Я забыл, что не все, как я, телепаты. Меня зовут Джеймс Торндайк.

Много позже, проснувшись опять, с более прояснившимся разумом, я обнаружил, что мои ощущения простираются уже до стены и на несколько дюймов за дверь. По всему было видно, что это типичный госпиталь, насколько хватало чувствительности эспера, вокруг была только слепящая белизна и нержавеющей сталь.

Зато в моей палате находилась сиделка, шуршавшая накрахмаленным халатом. Я попробовал заговорить, и откашлялся, пытаясь совладать с голосом.

– Могу... я видеть... где... – Я замолк, потому что сиделка, видно, была таким же эспером, как и я. А чтобы узнать это, требовалось полное напряжение сенсорных способностей. Только телепат, подобный доктору, мог распознать мои суматошные мысли. Но сиделка оказалась на высоте. Она сделала попытку:

– Мистер Корнелл? Вы проснулись?

– Взгляните, сестра...

– Называйте меня мисс Фарроу. Я позову доктора.

– Нет, подождите. Я пробыл здесь уже восемь дней?

– Вы были очень плохи, сами знаете.

– Доктор сказал, что она тоже здесь.

– Не волнуйтесь, мистер Корнелл.

– Он сказал, что с ней ничего страшного.

– Конечно.

– Тогда почему... Почему она здесь так долго.

Мисс Фарроу весело улыбнулась:

– Ваша Кристина жива и здорова. Она отказалась уезжать, пока вы находитесь в опасности. Не волнуйтесь. Скоро вы ее увидите.

Ее улыбка была веселой, но натянутой. Это была явная ложь. Она поспешно удалилась, и мне выпала возможность прощупать снаружи дверь, так как она прислонилась спиной к деревянной панели и заплакала. Она ненавидела себя за то, что не смогла справиться со своей ролью, и понимала, что я знал об этом.

Катарину никогда не называли Кристиной.

И Катарина не было в госпитале, потому что, если бы ее доставили сюда вместе со мной, сиделка знала бы ее настоящее имя.

Теперь это было для меня не столь важно, но мисс Фарроу оказалась не эспером, или, во всяком случае, не могла прощупать мои мысли, или найти имя Катарина по собственной воле. Мисс Фарроу была телепатом, а я называл свою девушку не по имени, а только привычным ассоциативным образом.

2

Я почти совладал со своим телом, когда в палату влетел доктор Торндайк:

– Спокойно, Стив! – сказал он с нетерпеливым жестом и толкнул меня в постель рукой – нежной, как рука матери, и сильной, как завязанные узлы на луке. – Спокойно! – повторил он настойчиво.

– Катарина? – прохрипел я умоляюще.

Торндайк нажал кнопку вызова и набрал какой-то код, или что-то вроде того, прежде чем мне ответить.

– Стив, – сказал он искренне, – все равно это нельзя скрывать от тебя вечно. Мы надеялись, что чуть позже, когда ты окрепнешь...

– Перестаньте ходить вокруг да около! – воскликнул я. – Или мне показалось, что я воскликнул, потому что голос мой прозвучал только в моем мозгу.

– Спокойно, Стив. Тебе здорово досталось. Шок...

Дверь отворилась и вошла медсестра с наполненным шприцом, его иголка покоилась в клочке ваты. Торндайк профессионально оглядел его и взял в руку. Медсестра молча вышла из комнаты.

– Не волнуйся, Стив. Это будет...

– Нет! Не надо, пока я не узнаю...

– Спокойно! – повторил он и поднял иголку к глазам. –

Стив, я не знаю, достаточно ли вы тренированный эспер, чтобы определить содержимое этой иголки. Но если нет, можете поверить мне на слово. В ней находится нейрогипнотик. Вы не провалитесь в беспамятство. Вы очнетесь таким же, как прежде, но зато ваш движок отключится, и вы спасетесь от срыва.

Потом с удивительной ловкостью, которая меня поразила, доктор вогнал мне в руку иголку и позволил оценить дозу сполна. Я ощутил поднимавшееся во мне возбуждение. Мне стало не по себе, и я почувствовал, что эта дрянь сработала. Через полминуты я похолодел от мысли, что могу взвешивать факты, но не в силах ни на чем как следует сосредоточиться.

Торндайк заметил, что содержимое шприца подействовало, и спросил:

– Стив, кто такая Катарина?

Шок буквально сорвал туман наркотика, и моя голова пошла кругом от мыслей, кем была и что значила для меня Катарина. А доктор шел следом за моими мыслями:

– Стив, ты еще не оправился от недавнего потрясения, С тобой не было никакой Катаринины. С тобой вообще никого не было. Пойми это и прими как должное. Никого! Ты был один. Понимаешь?

Я покачал головой. Мне казалось, что я говорю как актер, впервые читающий свою роль. Мне хотелось стукнуть по столу, чтобы усилить мой хриплый голос, но все, что я

мог сделать, это спокойно ответить:

– Со мной была Катарина. Мы... – я не стал продолжать, потому что Торндайк отлично знал, чем мы занимались.

– Стив, выслушай меня!

– Да!

– Я знаю вас, эсперов. Вы чувствительны, может быть, даже больше, чем телепаты. Более впечатлительны...

Это была явная ложь. До Рейна бытовало мнение, что люди, будь то мужчины или женщины, мазаны одним миром. Теперь же основной принцип гласил, что эсперы и телепаты были лучшей частью человечества.

Торндайк улыбнулся моим возражениям и продолжил:

– С вами произошел несчастный случай. Вы разбили машину. Вы вообразили, как было бы ужасно, если бы с вами была Катарина. А потом вы построили в подсознании историю катастрофы и подогнали ее под факты.

«Но... как мог кто-то видеть катастрофу и не заметить следов женщины? Моей женщины...»

– Мы осмотрели все в округе, тщательно осмотрели, – сказал он, отвечая на мой невысказанный вопрос. – Там не было никаких следов.

– А отпечатки?

– Ты бы опознал их?

– Естественно.

Торндайк спокойно кивнул:

– На стенках твоей машины было множество ее отпечат-

ков. Но никто не может сказать о точной их дате, или о том, какие оставили раньше, какие после. Потом мы обошли всех соседей, желая убедиться, что она не ушла, ошеломленная и потрясенная катастрофой. Не осталось ни отпечатка, ни следа. – Он сочувственно покачал головой. – По-моему, ты хочешь спросить о том дорожном чемодане, который якобы положил в кабину позади себя. Там не было никакого чемодана.

– Доктор, – спросил я резко, – если мы не ехали вместе, может быть, вы объясните мне, откуда, во-первых, оказалось свидетельство о браке в моем левом кармане, во-вторых, с какой стати мы виделись с преподобным Тоулом в Индтауне, и, в-третьих, с чего это я хлопотал о свадебном костюме в отеле «Рейгнор» в Вестлейке? Или я рехнулся задолго до несчастного случая? Может, – добавил я, – после стольких приготовлений я поехал и разбился, как бы оправдываясь за то, что вернулся без невесты.

– Все, что я могу сказать, это то, что на месте аварии не осталось никаких следов вашей невесты.

– Вы копались в моем мозгу. Вы нашли ее телефонный номер?

Он озадаченно уставился на меня.

– И что вышло, когда вы позвонили?

– Я...

– Хозяйка сообщила вам, что мисс Левис нет дома, потому что мисс Левис проводит медовый месяц под именем

миссис Стив Корнелл. Как насчет этого?

– Прекрасно. Сами знаете, как.

– Тогда, где же она, черт побери, доктор? – наркотик оказался не столь сильным, как следовало бы, и я вновь почувствовал волнение.

– Не знаем, Стив.

– А как насчет того парня, который вытащил меня из машины? Что он сказал?

– Он был там, когда мы приехали. Машину подняли с тебя с помощью блоков из полиспаста. Пока мы сюда добирались, полиспаст загорелся, и машина рухнула обратно, превратившись в исковерканное месиво металла. Он фермер, по фамилии Харрисон, парень лет двадцати четырех, зовут Филипп. Они клянутся, что там и в помине не было никакой женщины.

– Он, он...

Доктор Торндайк медленно покачал головой и мягко произнес:

– Стив, трудно предсказать, что бывает с человеческим мозгом при сильном шоке. Мне приходилось видеть, как он приобретает совершенно новую, фальшивую личность, – всю, вплоть до воспоминаний детства. Теперь возьмем еще раз ваш случай. Среди других удивительных вещей...

– Удивительных вещей? – прорычал я.

– Спокойно. Лучше выслушайте. Собственно, чему мне верить? Вашей невероятной истории, или показаниям ку-

чи свидетелей, полицейским протоколам, скорой помощи и парням, которые вытащили вас из горящей машины прежде чем она взорвалась? И, как я уже говорил, разве мы можем верить вашим сказкам, когда вы буквально взрываетесь по поводу двух людей, один из которых поднимал машину, а другой вытаскивал вас оттуда?

Я пожал плечами:

– Очевидно, у вас сложилось ошибочное мнение. Кто-то мог...

– Тогда, если вы признаете, что часть вашей истории неверна...

– Это не доказывает, что остальное ложь!

– Полиция уже пыталась разобраться в этом трудном деле, – медленно сказал доктор. – Пока они ничего не добились. Скажите, кто-нибудь видел, как вы покинули квартиру с мисс Левис?

– Нет, – сказал я. – Насколько я помню, никто из знакомых.

– Поэтому нам придется заключить, что вы находитесь под влиянием шока. Я зло фыркнул:

– Тогда объясните наличие свидетельства, встречу с его преосвященством, заказ номера в отеле.

– Выслушайте меня, Стив, – спокойно сказал Торндайк. – Это не только мое мнение, а мнение многих людей, изучавших человеческий мозг...

– Другими словами, я рехнулся.

– Нет, перенесли тяжелый шок.

– Шок?

Он кивнул:

– Поверьте этому. Да, вы хотели жениться на мисс Левис. Вы подготовились, обставили квартиру, договорились со священником, запаслись свадебным костюмом, купили цветы невесте. Вы отпросились с работы, пришли к ней. Но оказалось, что мисс Левис выбыла в неизвестном направлении. Может, она оставила вам письмо...

– Письмо?

– Послушайте меня, Стив. Вы пришли к ней домой и узнали, что она исчезла. Вы прочитали письмо, где говорилось, что она не может стать вашей женой. Это так глубоко поразило вас, что вы не выдержали. Знаете, что произошло дальше?

– Я разбрызгал мозги вдоль проселочной дороги на скорости девяносто миль в час.

– А если серьезно?

– Все кажется мне удивительно нелепым.

– Вы отвергаете это, как отвергаете тот факт, что мисс Левис бежала, не желая выходить за вас замуж.

– Валяйте дальше, доктор.

– Вы поехали по той же дороге, что и собирались, но внезапная обида и боль повредили ваш рассудок. И потому вы разбились по-настоящему, увидев упавшее дерево и что-то похожее на воображаемый образ виновника катастрофы.

– Наверное.

Торндайк серьезно взглянул мне, в лицо.

– Стив, – сказал он, – признайся, что ни один эспер не допустит, чтобы физическая опасность подобного рода...

– Я же объяснял вам, как это случилось. Мое внимание отвлек этот знак!

– Ладно. Это еще одно доказательство, что с вами была мисс Левис? Теперь выслушайте меня. При первом потрясении вы не можете помнить ничего такого, что не захочет вспомнить ваш мозг. Авария слишком тяжелая вещь, так что теперь все свои невзгоды можете валить на нее.

– Тогда лучше расскажите, как объяснить тот факт, что Катарина сказала хозяйке, что она давным-давно собиралась выйти замуж и все ждала, когда же я открою ей свои намерения.

– Я...

– Думаете, я всех подкупил? Может, мы все стараемся ради Катарины, или для нее.

Торндайк пожал плечами.

– Я не знаю, – сказал он. – Я действительно не знаю, Стив. Я хотел бы...

– Это касается только нас двоих, – рявкнул я. – Или кто-то думает арестовать меня за похищение, подозрение в убийстве, рискованную и опасную езду и аварию при столкновении с деревом?

– Да, – сказал он спокойно. – Полиция настроена весьма

радикально. Вами заинтересовались два высокопоставленных чина.

– Они что-нибудь нашли? – спросил я сердито.

– Они считают, что вся ваша история – чистая правда.

– Тогда к чему эта болтовня насчет шока, отклонений и тому подобного?

Он покачал головой.

– Мы не супермены, – сказал он просто. – Ваша история убедительна, и вы не врете. Вы верите в каждое ее слово. Вы видели ее, пережили от «а» до «я», но это еще не значит, что ваша история – правда.

– Послушайте!

– Она доказывает только то, что у вас, Стив Корнелл, не было каких-либо преступных, злых намерений относительно Катарины Левис. Они раскопали все, от и до, и поэтому мы можем вполне уверенно сказать, что с вами случилось.

Я фыркнул от отвращения:

– Ох уже эта ваша телепатия! Все так точно подогнано, словно жердочки в заборе. Я собираюсь поговорить со специалистом, пусть действительно копнет меня поглубже.

Торндайк покачал головой:

– Это лучшие люди, Стив. Известные ученые Редфери и Берко. *Магна Кум Лауд* .

Я захлопал глазами от удивления. Я знал множество подобных докторов, от медиков до лингвистов. Я знал даже одного-двух профессоров, но не близко. Но если приглашают

доктора пси, из школы Райна, тогда, брат, это да... Я умоваю руки.

Торндайк рассмеялся:

– Вы и сами не так плохи, Стив. Окончили двенадцать классов в Иллинойсе, не правда ли?

– Я забыл, скрыл некоторые факты, – сказал я уныло. – Они вызвали всех одаренных мальчиков и собрали их под одной крышей для особой подготовки. Но, признаться, мне легче давалась механика, а не пси. Надеялся дорасти до дипломированного инженера, может, чуть дальше, но пришлось остановиться. Отчасти потому, что не хватало сноровки, а отчасти потому, что не было денег.

Доктор Торндайк кивнул:

– Я знаю об этом.

Я понял, что он осторожно уводит меня в сторону от основной темы, но не видел, как вернуть его назад без очередной словесной перепалки. Он меня успокоил. Он мог прощупать мой мозг и найти лучший способ увести разговор в сторону, пока я не пришел в себя. Было бы куда лучше хотя бы на миг отключиться от этой идиотской головоломки.

Он уловил мои мысли, но его лицо даже не дрогнуло, когда он мягко вернулся к разговору.

– Я не стану тебя принуждать, – сказал он горестно. – Я пси, и довольно хороший. Но я телепат, а не эспер... Я овладел интуицией в медицине только благодаря упорству, как говорится, – он застенчиво улыбнулся. – Я ничем не отли-

чаюсь от тебя или других пси. Все эсперы думают, что развитое восприятие – важнее способности читать мысли и наоборот. Я собирался доказать, что телепат может стать хорошим медиком. Так я нашел свою дорогу в медитацию, читал мысли приятелей-однокурсников, которые были отличными эсперами. Я так наострился, что мог прочитать мысли эспера, наблюдавшего за моим осторожным анатомированием и действовать руками согласно его предсказаниям. Я мог успешно определять и устанавливать скрытые болезни, пока рядом находился какой-либо эспер.

– И чего вы добились?

– Телепатам лучше заниматься людьми, а эсперам – пред-
метами.

– А медицина – как раз та область, где имеют дело с людьми?

Он покачал головой:

– Только не в случае опухоли мозга, а при внутреннем расстройстве или сильном обморожении. «Доктор, – говорит пациент, – я чувствую сильную боль слева, чуть ниже бедра». А после твоего диагноза оказывается, что это острый аппендицит. Понимаете, Стив, пациент не всегда знает, где у него болит. Только симптомы. Телепат может безукоризненно распознать все симптомы болезни, но требуется эспер, чтобы прощупать нутро пациента и найти опухоль, которая давит на позвоночник или печень.

– Понятно.

– Я сорвался на парочке тестов, которые проскочила остальная часть класса. И только потому, что не смог прочитать их мысли достаточно быстро и использовать мой собственный метод работы. Это показалось подозрительным, и вот я очутился здесь. Простой доктор, а не ученый.

– Но здесь вы нашли себя. Это ваша область, я уверен.

Он кивнул:

– Даже две, – психиатрия и психология, к каждой из которых я испытываю настоящую любовь. В медицинских исследованиях вполне можно использовать замыслы, идеи и теории других врачей и ученых, а не привлекать к экспериментам эсперов.

– Не обязательно, – сказал я, покачав головой.

– Ладно, Стив. Возьмем, к примеру, Мекстромову болезнь.

– Давайте возьмем что-нибудь попроще. Все, что я знаю о Мекстромовой болезни, можно вырезать на булавочной головке тупым столовым ножом.

– Давайте, все же, возьмем Мекстромову. Это мой шанс стать дипломированным ученым-медиком. Если я смогу найти ответы на несколько главных вопросов. Я работаю в клинической лаборатории, где только и встречаются редкие случаи Мекстромовой болезни. Остальные врачи – все как один эсперы, и еще – несколько ученых – прощупывают человеческие тела до последней клетки, ища и комбинируя. Вы знаете, некоторые из лучших эсперов могут разобрать клет-

ки даже на составные части. А я буду собирать всю информацию, приводить ее в соответствие и, возможно, найду ответ.

– Вы нашли хорошую жилу, – сказал я.

И это было действительно так. Отто Мекстром был специалистом-механиком на космической станции «Белые пески», совершившей облет и посадку на Венере, Марсе и Луне. Через две недели после возвращения корабля домой у Отто Мекстрома, начали быстро твердеть кончики пальцев левой руки. Отвердение медленно распространялось дальше, пока его рука не стала твердой, как скала. Ученые изучали его, работали с ним, используя все возможные средства и проделывая всевозможные исследования, пока плечо Отто не стало таким же твердым, как его рука. Тогда они ампутировали ему руку по плечо.

Но в это время стали твердеть кончики пальцев на обеих ногах Отто, и на второй руке появились те же признаки. На одной стороне руки плоть осталась нормальной, а на другой нельзя было проколоть острой иглой кожу. Бедный Отто сыграл в ящик после того, как чертова мерзость поглотила обрубки его ног и рук. Он умер, когда затвердение достигло жизненных органов.

С того дня прошло около двадцати лет. Ежегодно случается порядка тридцати подобных случаев. Все со смертельным исходом, несмотря на ампутацию и достижения современной медицины. Но один бог знает, сколько еще несчастных кончили жизнь самоубийством, не обращаясь в гигантский Ме-

дицинский исследовательский центр в Марион, штат Индиана.

Ладно, если Торндайк ничего не скрывает, никто не смеет утверждать, что телепатии нет места в медицине. И пожелаем ему удачи.

Больше я Торндайка в этом госпитале не видел. Они отпустили меня на следующий день, и мне ничего не оставалось, как только грызть ногти и удивляться, что же случилось с Катариной.

3

Следующей недели я почти не помню, и поэтому не буду вдаваться в подробности. Короче, я прослыл женихом, упустившим невесту, а жизнь между туманными обвинениями и полускрытыми насмешками была довольно жалкой. Два-три раза я говорил с полицией. Вначале как гражданин, запрашивающий определенную информацию и сетующий на неосведомленность соответствующих инстанций. Потом меня просто стали посылать куда подальше. Очевидно, полиция забросила столько же удочек, сколько рыбацкая флотилия на Большой Банке, а клюнуло меньше, чем в Мертвом море. Они сами признались в этом. Давно прошли времена, когда полиция ежечасно проводила аресты. Это значило, что они сели в лужу. Полиция с ее прекрасной компанией психмальчиков пришлось признаться, что их объегорили. Я беседовал с телепатами, которые сказали мне, что я ел на завтрак в день поступления в подготовительные классы, и эсперами, которые могли распознать цвет носимой вчера одежды. Что я – бедный эспер, об этом упоминать не стоит. А эти парни были молодцы и хорошо знали свое дело. Катарина Левис исчезла, точно так же, как Амброс Бирс.

А встречаться лицом к лицу с отцом и матерью Катарини, приехавшими с востока, чтобы повидать меня, было настоящим потрясением.

Первым делом я отправился обратно в госпиталь, надеясь, что доктор Торндайк сможет чем-нибудь помочь. В моем бессознательном бормотании могли проскользнуть слова, значение которых навело бы на какой-нибудь след Катарины.

Но здесь меня тоже подстерегала неудача. Начальство госпиталя очень извинялось, но пару дней назад доктор Торндайк перешел в Медицинский исследовательский центр. Связаться с ним я не мог, потому что он взял Шестинедельный отпуск, который собирался потом продлить и дальше, и отправился в поездку по Йеллоустоунскому заповеднику, не сообщив маршрута.

Я остановился на ступеньках, надеясь поймать рейсовый коптеркеб, когда двери распахнулись и вышла женщина. Я обернулся, и она узнала меня. Это была мисс Фарроу, моя недавняя сиделка.

– Ба, мистер Корнелл! Что это вы здесь делаете?

– Хотел найти Торндайка. Но, его здесь нет.

– Знаю. И не удивительно. Наверное, он получил возможность продолжить свое образование.

Я мрачно кивнул:

– Во всяком случае, надеюсь.

– Это было утверждение, а не вопрос.

– Вы все ищете свою Катарину?

Я кивнул головой:

– Надеюсь, кто-нибудь разрешит эту загадку. Или придется сделать это мне самому. Все остальные уже сдались.

– Желаю удачи! – сказала она с улыбкой. – Видно, вы настроены весьма решительно.

– Это все, что мне остается, – буркнул я.

Мисс Фарроу кивнула.

– Не только, – махнула она рукой. – Вы говорили с людьми, которые вытащили вас из-под машины?

– Нет, с ними беседовала полиция и заявила, что они ничего не знают. Сомневаюсь, что смогу выпытать у них что-то стоящее.

Мисс Фарроу искоса взглянула на меня:

– Не хотите спрашивать людей, которые о вас ничего не знают?

– Возможно.

В этот миг подошел коптеркеб, и, звякнул звонок. Мне хотелось поговорить с мисс Фарроу еще, но мотор, оказался тем, что надо, и я раскланялся. А она пошла по ступенькам, предоставленная собственным заботам.

Мне следовало бы задержаться и нанять другую машину, но через несколько часов я уже катил по тому же злосчастному хайвэю, сосредоточив во все стороны свое восприятие. Ехал я на этот раз медленно и осторожно.

Я тихо миновал место недавней катастрофы, постаравшись отключить свои мысли, когда увидел черное выжженное пятно. С верхней ветки все еще свисал блок, а на нем качался обгоревший канат, два фута которого были переброшены через ворот, и кончались коротким обожженным кон-

цом.

Я свернул влево на подъездную дорожку к дому Харрисонов и поехал по извилистой грунтовой дороге. Впереди все ясней и ощутимей становилось мертвое пространство.

Собственно, это была не мертвая зона, так как кое-что я там чувствовал, но чем дальше я всматривался в детали смутного дома, тем больше нужно было полагаться на зрение, нежели экстрасенсорное восприятие. Но даже если Харрисоны не нашли по-настоящему мертвой зоны, то сумели выбрать такое место, где мое восприятие оказалось малоэффективным. Это было все равно, что смотреть сквозь легкую туманную дымку. И чем ближе я подъезжал к дому, тем плотнее она становилась.

Как раз у стоянки, где ощутимо начинал сказываться эффект мертвой зоны, я наткнулся на рослого загорелого парня. Лет двадцати четырех, который копался в двигателе трактора. Он разогнулся, и я остановился.

– Мистер Харрисон?

– Я Филипп. Вы мистер Корнелл?

– Зовите меня, как все – Стив, – сказал я. – Как вы догадались?

– Узнал, – сказал он, улыбнувшись. – Я тот парень, что вас вытащил.

– Спасибо, – сказал я, протягивая ему руку.

– Чем могу быть полезен, чем могу помочь?

– Мне хотелось бы услышать все из первых уст.

– Да рассказывать-то нечего. Мы с отцом корчевали пни где-то в тысяче футов от места аварии. Услышали грохот. Моих способностей хватает, чтобы воспринимать на таком расстоянии, поэтому мы поняли, что лучше захватить блок и полиспасть. Трактор там не проехал бы. Поэтому мы помчались на своих двоих. Отец притащил полиспасть и поднял машину, а я нырнул вниз, схватил вас в охапку и вытащил наружу. А потом вся махина ухнула наземь. Мы очень рады за вас, Стив.

Я хотел надерзить ему, но пришлось кивнуть с улыбкой.

– Думаю, что вы слышали, что я все еще пытаюсь найти свою суженую?

– Да, я что-то слышал, – сказал он и бросил на меня быстрый взгляд. – Я совершенно глух, как телепат, подобно всем эсперам, но отлично представляю, что он подумал.

– Все уверены, что Катарины со мной не было. Но только не я. Я знаю, что она была.

Он покачал головой:

– Сразу же, как только мы услышали скрежет тормозов, мы прощупали это место, – проговорил он спокойно, – и нашли вас. Но только одного. Больше никого не было. Даже если она выпрыгнула, увидев дерево, то не смогла бы убежать отсюда слишком далеко. А что касается исчезнувшего чемодана, то ей пришлось бы ждать, когда машина прекратит вращаться и остановится. А к тому времени мы с отцом уже спешили на помощь. Ее не было, Стив.

«Ты лжешь».

Филипп Харрисон не дрогнул и мускулом. Телепатически он был глух. Я прощупал мышцы его желудка под свободной одеждой, где прежде всего проявляется гнев, но ничего не заметил. Он не читал моих мыслей.

Я слабо улыбнулся Филиппу и пожал плечами. Он в ответ смущенно улыбнулся, но за этой улыбкой я почувствовал, как ему хочется, чтобы я перестал ворошить эту историю.

– Я от всей души желал бы помочь, – сказал он. И в этом он был искренен. Но где-то и в чем-то – нет, и я хотел выяснить, в чем именно.

Наступило молчание, но, к счастью, нас прервали. Я уловил движение, обернулся и поймал взгляд женщины, шедшей к нам по дороге.

– Моя сестра, – сказал Фил, – Мариан.

Мариан Харрисон казалась почти девочкой. И если бы я не был так влюблен в Катарину Левис, то не упустил бы случая заняться ею. Мариан была того же роста, что и я, – красивая, молодая, темноволосая женщина двадцати двух лет, с искристыми, ярко-голубыми глазами, буквально сверкавшими на фоне дубленой, поджаристо-коричневой кожи. Ее красный ротик удивительно сочетался с цветом лица, а белые зубы сверкали, когда она улыбалась.

Я мысленно сделал ей несколько комплиментов, потом прошелся по ее фигуре, но Мариан ничего не заметила. Она не была телепаткой.

– Вы, мистер Корнелл, – сказала она. – Я вспомнила вас, – продолжила она еще тише. – Пожалуйста, поверьте нам, мистер Корнелл, мы вам сочувствуем.

– Благодарю вас, – сказал я хмуро. – Поймите меня правильно, мисс Харрисон. Я ценю ваше сочувствие, но мне нужны действия, информация и ответы. А когда я добьюсь их, сочувствие будет ни к чему.

– Конечно, я понимаю, – ответила она сразу. – Все мы отлично знаем, что сочувствием горю не поможешь. Весь мир буквально рыдает, не в силах повернуть рельсы истории и вытащить вас из этой передраги. И даже если мы всем скопом захотим это сделать – ничего у нас не выйдет.

– В том-то и дело. Ведь я сам толком не знаю, что произошло.

– Значит, тогда еще хуже, – спокойно сказала она. У Мариан был приятный голос, – грудной и низкий.

Он звучал очень доверительно, даже когда она говорила о чем-то обыденном.

– Я бы хотела вам помочь, Стив.

– Я бы тоже не прочь, чтобы мне помогли.

Она кивнула:

– Они допрашивали и меня, хотя я пришла туда в самый последний момент. Они спрашивали о мысленном образе женщины, бежавшей накануне свадьбы. Я сказала, что не знаю о вашей женщине, но знаю, что бы я сделала в подобных обстоятельствах.

Она на секунду смолкла, а ее брат повернулся к своему трактору и зацепил маленьким гаечным ключом головку болта. Наверное, он подумал, что пока мы с Мариан будем беседовать, он может заняться работой. Я с ним согласился. Я жаждал информации, но не ожидал, что весь мир остановится, чтобы помочь мне. Он закрутил один болт и принялся за другой, не отвлекаясь от работы, пока Мариан продолжала:

– Я сказала им, что ваша история достоверна, вплоть до свадебной ночной сорочки. – Через глубокий загар проступил слабый румянец. – Я сказала, что однажды тоже побывала в такой переделке. Как-то собралась замуж, впопыхах сложив вещи, потом вывалила все обратно и аккуратно разложила по полкам. Я сказала им, что сделала бы то же самое, неважно, будь то подготовленный наспех или продуманный побег. Я сказала им, что есть вещи, с которыми надо считаться. Это не просто какие-то фантазии. В результате легавые пришли к выводу, что либо вы говорите правду, либо вы случайно прощупали желания какой-то женщины насчет замужества.

– По-моему, – сказал я с кислой улыбкой, – и то, и другое.
– Тогда, – спросили они меня, – возможно ли, что такая женщина решилась на этот шаг опрометчиво, с бухты-баракты, и я их высмеяла... Я сказала, что задолго до Пайка, женщины предсказывали свои свадьбы, как только джентльмен начинал с чуть меньшим отвращением смотреть на свою же-

нитьбу, и что к тому времени, когда он задавал, запинаясь, главный вопрос, она уже практически писала свое имя как миссис и подбирала мена своим будущим деткам, и что не было еще в истории случая, когда какая-нибудь женщина была ошеломлена предложением настолько, что помчалась бы за суженым, не захватив с собой даже зубной щетки.

– Значит, вы со мной согласны?

Она пожала плечами.

– Пожалуйста, – сказала она тем же низким голосом, – не спрашивайте моего мнения насчет вашей истории. Вы в нее верите, но все факты против вас. Нигде по дороге, не было никаких женских следов, начиная с места, где впервые бросили мимолетный взгляд на ствол дерева, который подбросил вас, и до места, где вы перевернулись. Ни одного следа в обширном районе – почти в полмили диаметром от места катастрофы, – не нашли. Они использовали специалистов по пси-прощупыванию, отпечаткам пальцев, всех, каких только можно. И без толку.

– Но куда же она делась?

Мариан медленно покачала головой.

– Стив, – сказала она так тихо, что я едва услышал ее за слабым скрипом болтов, завинчиваемых братом. – Насколько мне известно, ее здесь не было. Почему бы вам ни забыть о ней...

Я взглянул на нее. Она стояла прямая и напряженная, словно стараясь противостоять чувству любви, пробившему-

ся через разделяющую нас пропасть, словно желая дать мне физическую и моральную поддержку, несмотря на то, что мы были незнакомы, и случайно встретились всего десять минут назад. На ее лице отразилась душевная мука.

– Забыть ее? – воскликнул я. – Да я лучше умру!

– О, Стив, нет! – одной рукой она закрыла мне рот, другой крепко сжала мой локоть. У нее была очень сильная рука.

Я стоял, недоумевая, что делать дальше. Рука Мариан на моем локте ослабла, и она отступила назад.

Я пришел в себя.

– Простите, – сказал я искренне. – Я доставил вам кучу неприятностей, придя сюда со своими проблемами. Лучше заберу их обратно.

Она кивнула:

– Хорошо, идите. Но, пожалуйста, возвращайтесь, когда покончите с внутренним разладом, и не важно как. Мы все будем рады видеть вас, когда ничто не будет тяготить вашу душу.

4

Следующие шесть недель я провел в глубокой депрессии. В конце четвертой недели я получил маленькую картонную коробку, содержащую кое-какие мои личные вещи, оставленные в квартире Катарины. Мужчина не может встречаться неделями со своей девушкой, не забывая каких-нибудь вещей вроде зажигалки, галстучной булавки, каких-то бумажек, писем, книг и всякого хлама из нужных и ненужных предметов, которые дороги нам по той или иной причине. Получить такую посылку – все равно, что заново пережить сильнейшее потрясение, и это выбило меня из колеи дня на три-четыре.

Потом, к концу шестой недели мне принесли открытку от доктора Торндайка. На ней была стереолитография какого-то вида Йеллоунстоунского заповедника, но не всемирно известного Великого Нагромождения, а нечто более прозаическое.

На обороте было какое-то загробное послание:

«Стив, я как раз провел исследования на той дороге, справа от места катастрофы. Это напомнило мне твой случай, и я решил написать, так как мне интересно, как ты выпутался из той передрыги. Через пару недель я буду в Медцентре, напиши мне туда. Джим Торндайк».

Я перевернул открытку и критически ее осмотрел. И до

меня дошло. У обочины стоял высокий размалеванный сварной штандарт. Тот самый дорожный знак, что стоял на моем роковом хайвэе.

Я сидел, рассматривая через увеличительное стекло возвышавшийся у обочины дорожный знак. Его стереоизображение, казалось, было живым и реальным. Оно вернуло меня к тому мигу, когда Катарина прильнула к моему плечу, волнуя своим теплом и желанием.

Это тоже выбило меня из колеи на несколько дней.

Прошел еще месяц. Наконец, я тихо-мирно вышел из своей скорлупы и теперь чувствовал, что смогу прогуляться в бар, не боясь, что все остальные люди вокруг будут показывать на меня пальцем. Я порвал со всеми прежними приятелями, и за прошедшие недели не завел новых. Я все больше и больше жаждал поговорить с людьми и встретить знакомых.

Несчастный случай уже не казался чем-то ужасным. Жизнь повторяется исключительно редко. Катарина зала свое место в моей жизни. Я помнил тепло ее рук и поцелуев перед той злосчастной поездкой, и мой разум, особенно под градусом, откалывал со мной различные фокусы. Не раз во сне мне чудилась Катарина. Но когда она приходила в мои объятия, это оказывалась Мариан – загорелая, с искрящимися голубыми глазами и живым трепетным телом.

И я ничего не мог с этим поделать. Я знал, что попроси Мариан Харрисон о свидании, я вконец запутаюсь в своих

чувствах. А потом, если вернется Катарина, я окажусь между двух огней.

Я просыпался и называл себя отъявленным дураком. Я и видел Мариан всего-то пятнадцать минут, да и то в компании ее брата.

Но, по-видимому, этот сон оставил свое жало и однажды утром я очнулся в долгих и нескончаемых дебатах между сознанием и его подкоркой. В тот же миг я решил, что мне необходимо опять прошвырнуться роковым хайвэем и нанести визит на ферму Харрисонов. Я тешил свое ничтожное, замшелое сознание, говоря себе, что делаю это только потому, что не успел высказать своей признательности Харрисону-старшему, но где-то подсознательно был уверен, что, не оказись отца дома и присутствуй дочь, я побывал бы на ферме с неменьшим удовольствием.

Но мою подкорку ожидал удар в спину. Тем же утром, в девять часов, позвонили в дверь, и, когда я вышел на порог, столкнулся нос к носу с двумя джентльменами с золотыми значками в кожаных удостоверениях, лежащих в карманах их курток.

Я открыл дверь, так как не мог изображать свое отсутствие перед командой из эспера и телепата. Оба знали, что я на месте.

– Мистер Корнелл, не будем терять времени. Мы хотели бы знать, откуда вы знакомы с доктором Торндайком.

Я не стал хлопать глазами от такой фамильярности. Это

стандартный прием, когда расследование проводит эспер-телепатическая команда. Телепат знал обо мне все, включая то, что я прощупал их бумажники и удостоверения личности, значки и серийные номера маленьких автоматических пистолетов, которые они носили. Смысл был в том, чтобы задать главный вопрос сразу и в упор, чтобы некогда было придумывать уклончивые ответы. Все, что я знал о Торндайке, было довольно отрывочно, но не стоило это скрывать. И я дал им узнать все.

«Это все, – подумал я. – Но почему вы о нем спрашиваете?»

Телепатическая половина команды ответила:

– Естественно, мы не стали бы отвечать, мистер Корнелл, пока вы не произнесете все вслух. Но мы все равно не ответим, будь вы даже телепатом. Для ясности, вы последний человек, получивший какие-либо известия от доктора Торндайка.

– Я?

Открытка. Она была последним звеном, связывающим Торндайка с внешним миром. Потом он исчез.

– Но...

– Торндайк должен был прибыть в Медицинский центр в Марион, штат Индиана, три недели назад. Мы хорошо изучили все его скитания до последнего пункта в Йеллоустоунском заповеднике. Там следы оборвались. Он позвонил в маленький отель, забронировал номер, и как в воду канул. Те-

перь, мистер Корнелл, разрешите взглянуть на открытку.

– Конечно, – я подал ее. Эспер поднес ее к окну и взглянул на нее при свете. Когда он сделал это, я встал рядом, и вместе мы прощупывали ее до тех пор, пока ее края не начали загибаться. Но если там и был какой-нибудь шифр, тайнопись, какой-то скрытый смысл или послание, я ничего не заметил.

Я умываю руки. Я не следователь. Но я знаю, что Торндайк был хорошо знаком с моей глубиной восприятия, и не стал бы что-то далеко от меня прятать.

Наконец эспер покачал головой и протянул мне открытку:

– Никаких следов.

Телепат кивнул. Он взглянул на меня и улыбнулся – как-то кисло и натянуто:

– Мы, естественно, заинтересовались вами, мистер Корнелл. Кажется, это уже второе исчезновение. И вы ничего не знаете.

– Понимаю, – проговорил я медленно. Вновь в моей голове всплыли загадки, круг за кругом, назад к мерцающей дороге и недавней аварии.

– Наверное, мы еще вернемся, мистер Корнелл. Вы не против?

– Слушайте, – сказал я довольно грубо, – если эта чехарда кончится, я буду самым счастливым человеком на планете. Может я смогу чем-нибудь помочь, только дайте знать.

После этого они ушли. Я все еще не оставлял надежду навестить ферму Харрисонов. Еще одна дикая гусятинная охота,

но я чувствовал – где-то там зарыта собака. Честные люди, здоровые и вполне счастливые, с большими видами на будущее, никогда не исчезают, не оставив после себя следов.

Я не позволил своему восприятию задержаться на знаке, мимо которого проезжал, настолько, чтобы это стало опасным. И все же, к своему удивлению, заметил, что кто-то удосужился починить сломанную стойку. Кто-то, наверное, занялся самоусовершенствованием. Поломка была такой незначительной, как в случае с заполненной окурками пепельницей.

Потом я заметил еще некоторые перемены, внесенные временем.

Выжженное пятно затянулось высокой сорной травой. Сук дерева, нависавший над местом катастрофы, на который подвешивали блок и полиспаг, потерял былую черноту. Блок убрали.

«Дайте год, – подумал я, – и единственным напоминанием о катастрофе останется только рубец в моем мозгу, а потом и он исчезнет».

Я вернулся к дороге, покрутился по проселку и выскочил прямо напротив большого приземистого дома.

Он выглядел холодным и неудобным. Лужайка перед крыльцом сильно заросла, а на веранде валялось несколько клочков бумаги. Венецианские ставни были закрыты и плотно пригнаны. Поскольку сейчас было лето, закрытые окна и запертые двери, неважно, стояли противомоскитные сетки

или нет, говорили об отсутствии хозяев. Харрисоны съехали.

Еще одно исчезновение?

Я быстро развернулся, помчался в ближайший городок и зашел на почту.

– Я ищу семейство Харрисонов, – сообщил я человеку за стойкой.

– А, они уехали несколько недель назад.

– Уехали? – спросил я бесцветным голосом.

Клерк кивнул. Затем он наклонился ко мне и прошептал конфиденциально:

– Прошел слух, что девочка подхватила космическую чуму.

– Мекстромову болезнь? – ляпнул я.

Клерк взглянул на меня, будто я скверно выругался.

– Она была славная девушка, – сказал я нежно.

Он пошел за какими-то документами. Я старался проследить его, прощупать, но бумаги оказались в маленькой мертвой зоне в самом конце здания. Я проклял весь белый свет, хотя и ожидал, что дела будут находиться в мертвой зоне. Как только открылся институт Райна, правительство прочесало весь округ на предмет мертвых зон для хранения секретных и личных бумаг. Разразился и крупный скандал со стороны бизнесменов, высшего общества и всякого отребья вкупе с правительством в защиту законных прав личной тайны.

Он вернулся с виноватым видом.

– Они заставили закрыть адрес, – сказал он.

Я испытал желание выложить перед ним двадцатку, и потом одним глазком, как в добром старом романе, взглянуть на секретные бумаги, но понял, что это не сработает. Из-за Райна взятки должностным лицам стали невозможными. Так что мне пришлось изображать страшное разочарование.

– Это чрезвычайно важно. Я сказал, что это дело жизни и смерти.

– Простите. Но закрытый адрес – это закрытый адрес. И ничего не поделаешь. Если вам надо с ними связаться, отправьте письмо. Если они соблаговолят ответить, то свяжутся с вами сами.

– Возможно, чуть позже я вернусь, – сказал я. – Отправлю письмо прямо отсюда.

Он склонился над конторкой, я кивнул и вышел.

Размышляя, я проехал назад, к бывшей ферме Харрисонов. Удивительно! Насколько я знаю, люди никогда не бегут куда глаза глядят, подцепив Мекстромову болезнь. Почему-то мысль о том, что Мариан Харрисон тихо увянет и умрет, или, быть может, безбоязненно уйдет из жизни, полностью игнорировалась моим сознанием, за исключением редких вспышек ледяного ужаса.

Я вновь подъехал к дому и остановился напротив веранды. Я хорошо знал, почему там оказался. Мне хотелось побродить по нему и осмотреть, прежде чем вернуться на почту и написать письмо или открытку.

Со двора дом был заперт на старинный задвижной засов, который открывался так называемым «Е»-образным ключом. Я пожал плечами и, умалив свою совесть, нашел кусок стальной проволоки. Щелкнув замком, будто его вовсе не было, и прощупав дверь, я поднял два простейших сигнализатора и отодвинул засов так быстро, словно пользовался настоящим ключом.

Это было не бегство и не исчезновение. В каждой из четырнадцати комнат виднелись безошибочные следы продуманных сборов. Ненужный хлам валялся вместе с обрывками упаковочных материалов, рассыпанным набором коротких гвоздей, полузаконченным, но так и не понадобившимся ящиком, набитым старой одеждой.

Я обошел все комнаты, но ничего не нашел. Я медленно бродил по дому, позволив своему восприятию блуждать от точки к точке. Я пробовал прощупать место во времени, но все было впустую. У меня не хватало восприятия.

Я уловил лишь один отклик. В одной из верхних спален. Но остановившись в комнате Мариан, я вновь начал сомневаться в моих ощущениях. С эсперами такое случалось. Скорее всего я уловил запах смерти.

Тогда я вдруг понял, что все стало на свои места. Ощущаемая эпером Карта Мира выглядит наподобие испещренного неба, с чистыми прогалинами и туманными пятнами, мчащимися по небу в полном беспорядке. Испещренное небо, за исключением пси-модели, обычно не менялось. Но этот дом

находился в темной, почти мертвой зоне. Теперь это стало совершенно ясно.

Я оставил дом и прошел в громадную комбинацию из сарая и гаража. Она оставила у меня то же чувство неудовлетворенности, что и дом. Филипп Харрисон, или кто-то еще, должно быть, держал здесь мастерскую. Я нашел верстак и небольшой столик с отверстиями для болтов, масляными пятнами и другими следами, говорящими о том, что здесь стоял один из тех больших, комбинированных деревообрабатывающих станков, с циркулярной пилой, дрелью, токарным станком, рубанком и еще всякой всячиной. Там валялось также немного металлолома, но никаких столярных поделок.

Я не знаю, почему там задержался, копаясь в этом брошенном хламе. Может, я предчувствовал, что узнаю что-то, что ускользнуло от моей интуиции. Я стоял в недоумении, соображая, что меня здесь держит.

Я лениво наклонился, поднял с пола кусочек металла и нервно ощупал его руками. Потом огляделся вокруг, но ничего интересного не увидел. Я тщательно прощупал весь гараж, но все хлопоты свелись к нулю. Наконец, изрядно разозлившись на себя, я вышел наружу.

Время от времени с каждым случается что-то подобное. На обратном пути к машине, погруженный в круговорот мыслей, планов, вопросов и идей, я так ничего и не вспомнил. Возможно, я бы промчался весь путь до дома, погру-

жившись в этот вихрь, но меня выбило из колеи то, что я не смог завести машину. Оказалось, сунул в гнездо зажигания вместо ключа тот кусочек металла. Конечно, он не подошел.

Я улыбнулся. Железка остудила голову. Я бросил обломок металла в траву, вставил ключ в замок зажигания и...

И тут же рванулся за этой железкой обратно...

Маленький кусочек металла, найденный на полу в покинутой столярне, был отсутствующей стойкой дорожного знака, когда я с Катариной, разбился на машине.

Я поехал по хайвэю и остановился около одного из знаков. Я прощупал его, сравнивая свое восприятие с внешним видом. Так и есть!

Этот обломок металла, полдюйма длиной и в четверть дюйма диаметром, с чуть шероховатыми, зазубренными краями, был идентичен по размерам и форме сломанной перекладине знака!

Затем я заметил кое-что еще. Тройной орнамент в середине не был тем же самым, как я его помнил. Я достал из кармана открытку Торндайка, посмотрел на стереофото. Я сравнил картинку с реальной вещью передо мной и понял, что был прав.

Трилистник был заменен на флерде-лиз, значок бойскаутского новобранца – фигуру, которую они использовали для обозначения северного полюса на компасе. Основание трилистника было шире, чем обычно на эмблемах и почти таким же широким, как верхушка. При сравнении сразу станови-

лась видна разница между ними, один был повернут набок, а второй – вверх ногами. Видно, сначала предполагалось, что большие лепестки будут смотреть вверх. Если так, то те знаки, что стояли сейчас вдоль дороги недалеко от Йеллоунстонского заповедника, были повернуты набок, в то время как на моем хайвэе – вверх ногами.

Последнее, что я сделал, выворачивая на хайвэй – это еще раз прощупал эту конструкцию. Я закрыл сам знак, позволив моему восприятию скользнуть вдоль перекладки, а потом – по диску, на котором крепились перекладки трилистников.

Но это еще ничего не значит. Он так задуман, как говорится. Если бы поинтересовались моим профессиональным мнением, я бы отметил, что круг хорошо вписывается в остальной орнамент и представляет собой продуманную композицию, никак не предназначенную специально для того, чтобы вертеть эмблему как заблагорассудится.

Собственно, если бы не эта сломанная перекладка, найденная мной на полу гаража Харрисонов, мне бы никогда, и за миллион лет, не пришло бы в голову, что эти дорожные знаки значат нечто большее.

На почте я написал письмо Филиппу Харрисону.

«Дорогой Фил!

Сегодня заезжал к вам домой и был очень огорчен, узнав, что вы съехали. Я бы хотел вновь связаться с вами. Если не возражаете, сообщите, пожалуйста, ваш нынешний адрес. Если вы желаете, я сохраню его в тайне, или отвечу через

почту, до востребования. Вот что меня заинтриговало: вы знаете, что ваш дом лишился своей мертвой зоны? Подготовленному эсперу-медиуму обнаружить это ничего не стоит. Вы когда-нибудь слышали о пси-модельных изменениях?

Да. И еще: кто-то сменил тот дорожный знак со сломанной перекладиной. Вы, должно быть, здорово постарались, чтобы не выбить те странные завитки в середине. Я нашел выбитую перекладину на полу вашего гаража, если, конечно, вы хотели взять ее на память, как сувенир для любимой девушки.

Пожалуйста, дайте знать, как идут ваши дела. Ходят слухи, что Мариан подхватила Мекстромову болезнь. Простите, что затрагиваю деликатный вопрос, но, думаю, что делаю это только потому, что готов помочь, чем только смогу. Собственно, не важно, как вы это воспримите, но я, все-таки, обязан вам своей жизнью.

Это тот долг, который я не в силах забыть.

Искренне признателен,

Стив Корнелл».

5

В полицию я не пошел.

От одного моего вида им становилось плохо, и они уже записали меня кандидатом в палату параноиков. Все, что я мог бы сделать, это поехать в участок и объяснить там, что я раскрыл какой-то тайный заговор с тайным использованием декоративных дорожных знаков, чтобы скрыть их собственную сеть дорог и указателей, и что исчезновение Катарины Левис, доктора Торндайка и переезд Харрисонов связаны между собой.

Вместо этого я запер квартиру и сообщил всем, что надолго уезжаю в развлекательную туристическую прогулку, чтобы успокоить свои нервы. Я решил, что, уйдя со сцены, покончу с заботами, овладевшими мной, раз и навсегда.

Затем я отправился в путешествие. Я ехал несколько дней, не стремясь покрыть как можно больше миль, но исколесив бесцельно громадную территорию. Мне нравилось мчаться четыре часа по одному хайвэю на север, а потом проводить следующие четыре в дороге на юг по параллельному, или даже иногда возвращаться назад в исходную точку. Через неделю я удалился на запад не дальше излучины между Западной Виргинией и востоком Огайо. А на востоке Огайо я увидел куда больше привычных и подозрительных дорожных знаков.

Эмблемы были повернуты набок, и знаки выглядели как новенькие. Я проследовал этой дорогой еще семьдесят пять миль и нигде не встретил ничего примечательного, пока, наконец, не догнал грузовик, нагруженный трубками, жестью и декоративными металлоизделиями. Грузовик был одним из тех старых железных кротов, которые вы сами неоднократно встречали на наших дорогах.

Я наблюдал, как автоматический привод подхватывал и вырывал с корнем старые, черно-белые эмалированные знаки и укладывал их в кузов, полный металлолома. Потом на моих глазах этот крот, ревя двигателем и тряся кузовом, вгрызаясь лезвием в землю, останавливался и вытаскивал громадный винт, облепленный землей, камнями и гравием.

Экипаж вставлял на моих глазах в патрон новый знак, и машина ставила его на место, бетонировала, укрепляла в грунте, а потом двигалась по дороге дальше.

Вряд ли стоило спрашивать экипаж, поэтому я помчался как можно быстрее в Колумбус.

Чистый, сияющий, отутюженный и весьма консервативно одетый, я предстал перед Особым Уполномоченным Штата по Дорогам и Хайвэям. Я играл нагло, изображая из себя важного чиновника какого-то отдаленного штата, интересующегося этими знаками из деловых соображений. Потом я подумал, что если наткнусь на настоящего телепата, то сяду в лужу. Но, с другой стороны, попробуй я спрашивать горожан, не скупясь на комплименты, ответы получились бы

туманные и уклончивые. Первый, пятидесятилетний, секретарь Уполномоченного выставил меня из приемной, второй послал вверх по лестнице, третий отфутболил меня в Департамент дорожных карт и картографии.

Наконец, второй секретарь Департамента заявил, что мог бы мне помочь. Его звали Хатон. А был он эспером или телепатом, не столь важно, потому что здание Департамента стояло прямо посреди мертвой зоны.

Все же я решил играть начистоту. Я сказал, что являюсь жителем Нью-Йорка, интересующимся новыми дорожными знаками, которыми так славится Огайо.

– Я рад, что они вам понравились, – сказал он, сияя.

– По-моему, эти знаки стоят несколько дороже, нежели старые, покрытые черно-белой эмалью.

– Но зато, – сказал он гордо, – при массовом производстве их стоимость резко падает. Видите ли, прежде чем закупить несколько тысяч знаков для какого-нибудь хайвэя, их нужно заказать, отштамповать, покрасить и т. п. Новые же знаки изготавливаются на одном станке и по мере необходимости. Вряд ли вы знаете, что номера магистралей и любая другая информация переносится на металлические таблички с широких листов фотобумаги. Это значит, что нам пришлось бы заказать десятки тысяч таких цифр и соответствующее количество заготовок транспарантов, а потом подбирать их по мере необходимости. Конечно, при новом способе некоторых затрат не избежать, но если заинтересовать

другие штаты, то цена знаков значительно снизится. К тому же компания даже подписала в контракте особый пункт, что они согласны покрыть неустойку. Так что, на первых порах покупателей не очень волнует вопрос о текущих затратах.

Его несло и несло, как бюрократа, севшего на любимого конька. Я был рад, что находился в мертвой зоне, потому что, узнай он, что я думал, он бы выставил меня из своего кабинета.

Тут мистер Хатон иссяк, и я удалился.

Я обыграл мысль проехать в главную контору компании, но потом решил, что это все равно, что сунуть голову в пасть голодного зверя.

Я убрал в карман выданную мне карточку кампании и принялся изучать новенькую карту автодорог, которую он с гордостью мне вручил. Она имела выносную табличку нарядных новых знаков, которыми штат Огайо разукрасил свои хайвэй и которые не увеличивают платежей граждан, а также зеленые цифры на различных дорогах, сообщавшие о дате установки новых знаков. Внизу таблички крупным шрифтом стояло имя Особого Уполномоченного Дорог, а ниже и мельче – имя Хатона.

Дорога оказалась новая, и это была еще одна приятная неожиданность. Указатели и знаки летели миля за милю.

Я не знал, что меня ждет, и не был уверен, что ищу. Но я шел по какому-то следу. Судя по активности, как умственной, так и физической, после долгих недель депрессии у ме-

ня поднялось настроение и обострились ментальные способности. Радио в машине заливалось сладкозвучными песенками, какие может породить только Огайо, но меня это не трогало. Я искал нечто более существенное.

Я нашел его потом, в полдень, на полпути между Дейтоном и Цинциннати. Одна планка исчезла. За пятьдесят ярдов до перекрестка.

Я свернул туда, скрипя тормозами, и остановился, пытаюсь объяснить логически свой импульсивный порыв.

Куда я свернул? Туда, где планка исчезла, или где планка оставалась на месте?

На помощь пришла память. Тогда, рядом с фермой Харрисонов, исчезла табличка «Десять часов». Харрисоны жили по левую сторону хайвэя. Тогда я послушался исчезнувшей таблички. Теперь пропала надпись «Два часа», поэтому я свернул на перекрестке направо и проехал до следующего, целого знака.

Вот те на! Я развернулся, помчался назад по основному хайвэю и проехал около пятидесяти миль, рассматривая пролетающие вокруг знаки. Все, что были справа, имели перевернутый трилистник. Все, что были слева – повернуты на бок. Разница казалась такой незаметной, что только те, кто знали, в чем суть, могли отличить один от другого. Насколько я представлял себе, то же самое было и в другом направлении. Когда эмблема была вверх ногами, я сворачивал, когда лежала на боку – я ехал прямо.

Только откуда куда?

Я снова развернулся и помчался, следуя знакам.

В двадцати милях от основного хайвэя, где я увидел знак, означавший поворот, я наткнулся на еще одну табличку с исчезнувшей планкой. Она указывала левый поворот, я повиновался и выскочил на подъездную дорогу, ведущую к какой-то ферме.

Я свернул, решив разыграть заблудившегося человека и надеясь, что не встречу телепата.

Через несколько сотен ярдов от главной дороги я увидел девочку, которая быстро шла ко мне навстречу. Я остановился. Она взглянула на меня с насмешливой улыбкой и спросила, не может ли чем-нибудь помочь.

Я небрежно кивнул:

– Ищу старых друзей, которых не видел уже много лет. По фамилии Харрисон.

– Я не знаю никаких Харрисонов, – с улыбкой ответила она с огайским акцентом.

– Не знаешь?

– А где они живут?

Я смотрел на нее, надеясь, что не напоминаю ей волка, взирающего на бедного ягненка.

– О, они сказали, как их найти. Мне следовало свернуть с главного хайвэя на эту дорогу, проехать по ней двадцать миль и остановиться с левой стороны, когда увижу один из знаков, на котором кто-то сшиб одну табличку.

– Табличку? С левой стороны... – промямлила она, переваривая мои слова в своем мозгу. Ей было не больше семнадцати, загорелая, живая и здоровая от жизни на воле. Она меня поразила. Насколько я мог судить, она была частью всей этой мистерии. Не важно, что она сделает или скажет, но совершенно ясно, что тайные дорожные знаки-указатели ведут к этой ферме. А поскольку никто из семнадцатилетних не может совершенно безучастно взирать на дела родителей, то она должна быть осведомлена о некоторых их кознях.

После некоторого раздумья она произнесла:

– Нет, я не знаю никаких Харрисонов.

В ответ я фыркнул. На большее рассчитывать не приходилось, а теперь я уверился окончательно.

– Твоя родня дома? – спросил я.

– Да.

– Думаю, мне стоит расспросить их тоже.

Она пожала плечами.

– Пошли! – И, как бы исподволь, заметила: – А что, вы сами не удосужились разглядеть табличку почтового ящика?

– Нет. – Я быстро «прощупал» дорогу назад и, убедившись, добавил: – Его там не было.

– Тогда мы избавились от почтальона. Если вы не против, подбросьте меня до дома.

– Хорошо.

Она широко улыбнулась и быстро шмыгнула внутрь. В подходящем месте я съехал с дороги и двинулся к дому. Ка-

залось, она заинтересовалась моей машиной, и, наконец, сказала:

– Я никогда прежде не сидела в такой машине. Новая?

– Пару недель, – сообщил я.

– Быстрая?

– Как прикажешь. Возьмет крутую дорожку на пятидесяти, если, конечно, у кого-то хватит на это ума.

– Давай посмотрим.

Я улыбнулся.

– Ни один дурак не возьмет эту дорогу на пятидесяти.

– А мне нравится быстро ездить. Мои братья катят тут на шестидесяти.

Это, насколько я заключил, была просто бравада юности. Я принялся быстро объяснять ей прелести быстрой езды, как вдруг из кустов у дороги выскочил кролик и бросился под радиатор.

Я вывернул руль. Машина свернула с узкой дороги и, чуть накренившись, въехала на склон. Я выпрыгнул бы на дорогу следом за кроликом, но тут девушка схватила меня за руку, стараясь удержаться на сиденье.

Хватка у нее была как у гидравлического пресса. Моя рука онемела, а пальцы вцепились в руль. Я прилагал все усилия, чтобы выкрутить левой рукой баранку и удержаться на узкой и извилистой дороге, а ноги жали на тормоза, чтобы машина не полетела вниз.

Когда мы остановились, я глубоко вздохнул и потряс пра-

вую руку, держа ее левой за запястье. В ней орудовала тысяча игл, потому что девушка схватила чуть выше локтя. Было такое чувство, будто мне отрезали руку и оставили с кровавым обрубокком.

– Простите, мистер, – сказала она, едва дыша и широко раскрыв глаза. Ее лицо было белым.

Я перегнулся и взял ее за руку.

– У тебя чересчур сильная хватка...

Мышцы на ее руке были твердыми и упругими. Правда, не такими крепкими, как от полноты здоровья и хороших тренировок. А крепкими, ну, словом... Мне ничего не пришло в голову, кроме воспоминания о зеленом огурчике. Я сжал ей руку, и плоть слегка подалась. Я провел пальцем по ее ладони и нашел ее твердой и плотной, а не нежной и податливой.

Я удивился.

До сих пор я не встречался с Мекстромовой болезнью.

Я посмотрел на ее руку и сказал:

– Юная леди знает, что подхватила Мекстромову болезнь.

Она холодно взглянула на меня и ответила твердым голосом:

– Теперь я знаю, зачем вы приехали.

Что-то в моей натуре бурно восстало против недомолвок девушки.

Я колебался около одной шестнадцатой. А ей бы дал две трети, скажем, одну десятую или около того...

– Одну восьмую, – сказала она спокойно.

«Телепат!»

– Да, – ответила она холодно, – и ты никогда не узнал бы этого, не случись подобного.

«Пора делать ноги!»

– Нет, ты пойдешь со мной.

– Головой в петлю! – взорвался я.

– Не дури. Пойдешь. Или хочешь, чтобы я заткнула тебе рот и понесла на себе?

Нужно было что-то делать, чтобы освободиться. Иначе...

– Дурачок! – сказала она нагло. – Ты же знаешь, что от телепата ничего не скроешь. А если пойдешь напролом, я тебя так взгрею, что тебе придется неделю отлеживаться.

Я дал ей поговорить несколько секунд, поскольку пока она говорила, не могла сосредоточиться на моих мыслях. Так что, пока она не спохватилась, я чувствовал себя в безопасности.

Она запнулась, будто склеив челюсти, когда поняла, что ее болтовня дает мне шанс подумать.

– Неплохо, крошка! Растешь прямо на глазах. Слиняла от мамочки, сняв панталоны, как большая девочка.

У семнадцатилетних куда больше скромности, чем они любят показать. Она не удивилась тому, как хладнокровно я воспринял ее тело. В этот момент я, перегнувшись через нее, быстро дернул ручку двери с ее стороны.

Распахнув ее настежь, я в тот же миг вытолкнул деви-

цу вон. Она должна была бы шлепнуться наземь, сломав несколько костей. Но она лишь грохнулась на спину, перевернулась и вскочила на ноги, словно кошка.

Я не стал ждать, когда закроется дверь, а нажал на педаль газа. Машина рванулась вперед, хлопнув противоположной дверью. Я покатил дальше как раз в тот момент, когда она попыталась еще раз забраться в машину.

Куда деваться, я не знал. Единственное, чего мне хотелось, так это хоть чуточку спокойно подумать. Я свернул на дорогу и поехал по ней к дому. Потом съехал с дороги и обогнул дом с реактивным ревом, словно срезая колесами углы здания. Крутя руль, как заправский гонщик, я обогнул очередной угол, съехал колесами на обочину, и вернулся опять на дорогу, ведущую в обратном направлении.

Она стояла, поджидая, пока я проскользну мимо на всех шестидесяти, потом вытянула руку, свою гигантскую сильную руку, цапнула за раму открытого окна с моей стороны и рванула обшивку борта до самого дна кузова, словно кран, зацепивший грузовик. Свободной рукой она схватила баранку.

Что будет дальше, я уже знал. Она случайно дернет, а я, съехав с дороги, врежусь в канаву или дерево. Покуда из моих глаз будут сыпаться искры, она вытащит меня из машины, взвалит на плечо, не рискуя поплатиться и царапиной за свою авантюру.

Я рванул руль – вжик! вжик! – срезая дугу, миновал де-

рево почти что в дюйме, и сбросил ее с кузова, словно почтовый мешок со скорого поезда.

Я услышал крик: «А-а-а-а-ай!». Это ее тело ударилось о ствол дерева. Но когда я вернулся на дорогу и помчался дальше, то увидел в зеркале заднего вида, что она отскочила от дерева и остановилась посреди дороги, потрясая вслед своими маленькими, но опасными кулачками.

Не останавливаясь, я мчался на ста десяти к Дейтону. И не скоро притормозил, чтобы подумать.

Подумать? А что в действительности я узнал? Я обнаружил и убедился в том факте, что существует какая-то тайная организация, использующая в своих целях собственную систему магистралей, охватывающую всю территорию Соединенных Штатов. Я был почти уверен, что именно они замешаны в исчезновении Катарины и доктора Торндайка. Они...

Внезапно я вновь пережил всю катастрофу. И вспомнил кое-что еще.

Такое, что нормальный здоровый человек, нормальный здоровый мозг воспринял бы как галлюцинацию. Не оставалось и тени сомнения в том, что у людей не хватило бы времени притащить блок и полиспаст, закрепить их на дереве над пылавшей машиной и извлечь оказавшихся в ловушке жертв, прежде чем они сгорели заживо. И, тем более, казалось немислимым, чтобы у человека шестидесяти лет хватило сил поднять машину на передний бампер, пока его сын

нырнул в пламя.

Трос принесли и сожгли позже. Но кто мог предпочесть идее троса и блока мысль о невероятно сильном человеке? Нет, при виде троса, образ человека, поднимающего перевернутый автомобиль, точно штангист штангу, покажется любому просто нелепой галлюцинацией. А потом новая мысль пронзила мой мозг. Она была такой странной, что я буквально подпрыгнул на месте.

Оба, Катарина и доктор Торндайк, были телепатами. А телепат лучше любого члена их тайной группы мог бы узнать их цели, уловить суть их замыслов. Такие люди были для них попросту опасны.

С другой стороны, эспера, как я, можно было легко отвалить вежливыми и убедительными речами. Я отлично знал, что не могу отличить ложь от правды, и это еще больше усложняло мои проблемы.

И еще я нуждался в компаньоне. Конкретнее, я нуждался в натасканном телепате, который выслушает мой рассказ и не бросится тут же звонить в сумасшедший дом. В ФБР было много натасканных сыщиков, и они постоянно использовали команды телепатов. Пока один прощупывал источник, второй – обитателя, который старался, чтобы все выглядело шито-крыто.

Требовалось время, чтобы найти подходящего помощника. Поэтому я провел следующий час в дороге к Чикаго и через некоторое время пересек границу Огайо – Индиана и

въехал в Ричмонд, где привел свой план в исполнение. Я вызвал Нью-Йорк и через несколько минут уже говорил с медсестрой Фарроу.

Я не стал вдаваться в детали, существовало множество нюансов, которые не имели никакого практического значения и которых оказалось куда больше, чем можно было оправдать моими метаниями с тех пор, как я повстречался с ней на ступеньках госпиталя. Я не упомянул, конечно, по телефону о моих истинных намерениях, а мисс Фарроу не могла прочесть мои мысли из Нью-Йорка. Суть сделки заключалась в том, что я чувствовал, будто на некоторое время мне необходима сиделка. Не то чтобы я был болен, просто мне было сейчас не по себе, и, по-видимому, надолго, пока все не уляжется. Я трудился не покладая рук, а мое положение оставалось неблестящим. В конце концов, мисс Фарроу признала это вполне возможным. Я повторил мое предположение платить ей по расценкам регистрационной сестры на один месяц вперед. Это несколько поколебало ее самоуверенность. Потом я добавил, что видеографирую ей чек на вполне достаточную сумму, чтобы покрыть все издержки плюс билет туда и обратно. Пусть приедет и посмотрит, и если ее что-то не устроит, она вернется, не тратя деньги из собственного кармана. Все, что она теряет – это один день, и то не полностью, пролетев реактивным лайнером шестьдесят тысяч футов.

Совокупность всех доводов наконец возымела действие,

и она согласилась повременить с отказом. Мы должны были встретиться с ней послезавтра утром в центральном аэропорту Чикаго. Я видеографировал ей чек в полной уверенности, что склоню ее к мысли стать телепатом моей бригады сыщиков-любителей. Потом, поскольку мне нужна была кое-какая информация, я повернул на запад и пересек границу Индианы, направляясь в Марион. У меня накопилась масса существенных подозрений, но пока не рассеются все мои сомнения, мне приходилось констатировать только идеи. Я хотел выяснить, как определить Мекстромову болезнь, или, на худой конец, как передается инфекция. У меня сохранилось довольно четкое воспоминание, и теперь все, что было нужно – это найти кого-нибудь, кто смог бы спокойно объяснить, что из себя представляет случай Мекстромовой болезни. Ну, а тогда стало бы ясно, было ли виденное в Огайо стопроцентной Мекстромовой болезнью.

6

Я вошел в приемную, напустив на себя самоуверенность, и предстал перед прекрасной крашеной блондиночкой привлекательной внешности и с хорошей фигурой. Она холодно взглянула на меня и спросила о деле.

– Я писатель и журналист. Собираю материал, – нагло соврал я.

– Вы по заданию? – спросила она без тени интереса в голосе.

– О, сейчас нет. Я свободный журналист. Мне это больше по душе, потому что могу писать о чем угодно.

Ее холодность растаяла. Это говорило о том, что мои старания не пропали даром.

– Где вы печтаетесь? – спросила она.

Я быстро ушел в тень, стараясь затаиться как можно надежнее.

– Последняя статья была о недавних археологических находках в Сирии. Прямо по первоисточникам Института Востока в Чикаго.

– Очень жалко, что я ее пропустила, – сказала она удрученно.

Я согласился, стараясь избежать упоминания названия и даты публикации.

– Разве вас не удовлетворяют обычные популярные изда-

ния? – продолжала она.

– В этих кондуитах, конечно, собрано много полезных сведений, но они слишком туманны, безличны. Люди предпочитают читать анекдоты, нежели копаться в цифрах и диаграммах.

Тут она кивнула:

– Минуточку, – и переговорила с кем-то, чей голос я не разобрал, по телефону. Окончив, она тепло улыбнулась, будто говоря, что сделала для меня все, что было в ее силах и что это следует оценить. Я откинулся назад и постарался изобразить точно такую же улыбку. Потом дверь отворилась, и в комнату влетел человек.

Он был рослым малым, прямым как шомпол, с крепкой челюстью и коротко стриженными усами. Прямо капитан Блад. Когда он заговорил, его голос оказался таким же резким и четким, как его усы, настолько четким, что казался почти механическим.

– Дипломированный специалист Фелпс, – сказал он. – Чем могу служить?

– Мистер Фелпс, мне бы хотелось поговорить с вами и побольше узнать о Мекстромовой болезни. Может, мне не придется использовать эти материалы в статье, но для писателя-документалиста важны мельчайшие подробности.

– Нет проблем. Что вас интересует?

– Я часто слышал, будто бы о Мекстромовой болезни почти ничего не известно. Это невероятно, особенно если

учесть, что ваши коллеги работают, не покладая рук, около двадцати лет.

– Конечно, мы кое-чего достигли, – кивнул он. – Но очень немногого...

– Мне кажется, исследуя ткани...

Он улыбнулся.

Мы так и сделали. Провели тщательные химические исследования. Могли бы взять пробы даже с чародейского котла Макбет и определить, правильно ли Шекспир указал формулу. И, молодой человек, если вы думаете, что что-то внедряется в человеческую плоть, то вы глубоко ошибаетесь. Анализы показали, что ткань состоит из тех же химических элементов, что и нормальная, да и в тех же пропорциях. Ничего лишнего, как, например, в случае окостенения.

– В чем различие?

– Возможно, в структуре. С помощью рентгеновского кристаллографического метода мы определили, что Мекстромовы ткани имеют тесно переплетенную микрокристаллическую структуру. – Фелпс задумчиво взглянул на меня. – Вы что-нибудь смыслите в кристаллографии?

Как инженер-механик, я, конечно, смыслил, но как автор журнальных статей, вряд ли, поэтому осталось только признать, что кое-что слышал.

– Отлично, мистер Корнелл. Вы, наверное, знаете, что в стереометрии существует только пять правильных многоугольников. Подобно закону топологии, утверждающему,

что для раскраски карты плоской поверхности необходимо всего четыре цвета, а для раскраски границ на торе достаточно семи цветов, законы стереометрии гласят, что возможно существование не более пяти правильных многогранников. А в кристаллографии существует тридцать два возможных класса кристаллических решеток. Из них в природе найдено всего тридцать. Правда, мы знаем, как выявить остальные две, если они окажутся в естественных формациях.

Все это я прекрасно знал, и тем не менее усердно царапал в своей записной книжке, словно открыл что-то новое. Специалист Фелпс терпеливо выждал, пока я закончу свои заметки.

– А теперь, мистер Корнелл, вас ожидает маленький сюрприз. Мекстромова болезнь принадлежит к одному из этих двух оставшихся классов.

Вот так новость! Я оторопел.

Его лицо вспыхнуло торжеством.

– К несчастью, – сказал он тихим голосом, – знание формы кристалла не говорит нам, как она возникла. Мы не можем контролировать положение атомов в кристаллической решетке. Мы можем разрушить кристаллическую структуру, можем контролировать размер и форму кристалла, но не в силах перевести кристалл из одного вида в другой.

– По-моему, это все равно, что испечь кекс. Все составные части перемешиваются, он может получиться большим или маленьким, иметь форму сковороды или оказаться вконец

испорченным. Но если вы смешали дерьмо, то и получите дерьмо.

– Удивительно точная аналогия. Но мне больше нравится другая, сказанная когда-то давным-давно доктором Билли Леем, который проводил довольно тонкие эксперименты. – «Вы не сможете узнать, как устроен паровоз, разрушив его и исследуя обломки».

Он продолжал:

– Давайте вернемся к Мекстромовой болезни, и что мы о ней узнали. Мы выяснили, что ее граница ползет со скоростью одной шестьдесят четвертой дюйма в час. Так, к примеру, если вы заметили на среднем пальце правой руки следы болезни, то приблизительно только через три дня первый сустав пальца станет полностью из Мекстромовой ткани. Через две недели средний палец полностью затвердеет. Можете взять пилу, отрезать его без всякой анестезии и принести нам для исследования.

– И ничего не почувствуешь?

– Вообще ничего. Суставы срослись, артерии стали твердыми, как стальные трубы, и сердце не может работать как следует. Не то чтобы оно попало в те же условия, что артерии, но когда Мекстромова болезнь поползет от руки к плечу, крупные сосуды затвердевают, и сердце не может прокачивать по ним кровь в прежнем режиме. Получается то же самое, что и при атеросклерозе. Далее инфекция достигает плеча и выводит его из строя. На это уходит девяносто дней.

За это время заражаются остальные конечности, и болезнь охватывает руки и ноги.

Тут он торжественно взглянул на меня.

– Остальное выглядит весьма скверно, – вскоре наступает смерть. Собственно, я могу сказать, что счастлив тот, кто подцепит Мекстромову левым пальцем руки, потому что прежде всего она достигает сердца, а не других частей тела. Те, кому инфекция первоначально попала в пальцы ног, практически прокляты, ибо инфекция постепенно достигает нижней части тела. По-моему, вы можете представить результат – смерть из-за остановки перистальтики. Гибель наступает за счет интоксикации организма, и бывает медленной и болезненной.

Я содрогнулся. Мысль о смерти уже тревожила меня. Воспоминание о руке и сознание того, что я должен скоро умереть, буквально по календарю, приводило меня в дрожь.

Разжав зубы, я проговорил:

– Я вот только не возьму в толк, дипломированный специалист Фелпс, то ли вы и ваш центр боретесь с Мекстромовой болезнью, то ли потворствуете ей?

– Потворствуем?

– Конечно. Вы выяснили, что будет с человеком, если он пройдет через все стадии Мекстромовой болезни?

– Он станет практически суперменом, – кивнул Фелпс. – Стальные мускулы, движущие твердой, как сталь плотью, под непробиваемой кожей. Возможно, такой человек будет

свободен от всех болезней и недугов. Вообразите себе бактерию, которая старается проникнуть в тело, твердое как бетон. Более того, Мекстромова плоть физически почти невосприимчива к кислотам. Нельзя не согласиться, что такой супермен трижды переживет наши, живые тела, а может, и в раз десять. Но...

Тут он остановился:

– Не хочу разрушать ваших иллюзий, но эта мысль не нова. Несколько лет назад мы пригласили сюда одного блистательного молодого доктора, чтобы тот пополнил свое образование. К несчастью, парень прибыл сюда со следами Мекстромовой на среднем пальце правой руки. Под его руководством мы провели около сотни великолепных опытов, и у него возник свой подход к этой проблеме. Но все было тщетно. Несмотря на все усилия, он не смог предотвратить смерть хотя бы на секунду. С тех пор над этой проблемой работает одна из наших групп.

Тут мне пришло в голову, что, окажись у меня признаки Мекстромовой, я бы скорее помчался в убежище на хайвэе, чем в Медицинский центр. Через секунду меня осенило: предположим, доктор Торндайк нашел у себя следы болезни, или, скорее, его навели на эту мысль люди с хайвэя. Что тогда лучше – присоединиться к штату Медицинского центра или оказаться перед лицом компромисса: «Вы можете нам, работая с нами, а мы спасем вашу жизнь»?

Это, конечно, привело к следующей мысли:

«Если люди в убежище, руководствуются благими намерениями, они не стали бы скрываться и предоставили бы свой метод лечения Медицинскому центру. Ну хорошо, у меня накопилось к ним порядочно претензий, поэтому придется нанести бомбовый удар».

– Видите ли, Фелпс, – сказал я спокойно, – одна из причин, по которой я оказался здесь, является то, что у меня есть веские доказательства существования способа лечения Мекстромовой болезни. Его придумали люди со сверхплотными телами и сверхчеловеческой силой.

Он смотрел на меня с той терпеливой улыбкой, которая возникает у отца, когда ворвавшийся к нему отпрыск заявляет, что он изобрел вечный двигатель:

– У вас веские доказательства?

– Мне довелось увидеть их собственными глазами.

– Тогда я могу заверить, что вы неверно интерпретировали свои доказательства, – ответил он холодно. – Энтузиасты летающих тарелок до сих пор утверждают, что те штуки, которые они видели, пилотировались маленькими зелеными человечками с Венеры, хотя мы уже побывали там и обнаружили, что Венера необитаема, за исключением нескольких жучков и личинок и маленьких животных, подобных теллурианским пиявкам.

– Но...

– А это тоже слишком давняя история, – сказал он с капризной улыбкой.

– Она происходит по обычному шаблону с тайной организацией, которая стремится захватить на Земле власть. Эта сказка была популярна еще во времена форта Чарли. А теперь лучше скажите, что вы видели.

Я состряпал сказку в тридцать четыре процента правды, а в остальном частично исказив. Тем самым я скрыл свое избиение девицы в машине в Огайо – достаточно тяжкое, чтобы она сыграла в ящик. Я просто упомянул, что как-то сбил на дороге девицу, а когда остановился помочь ей, девица вскочила и как ни в чем небывало, помчалась прочь. Она не потеряла ни капли крови, хотя передний бампер машины был здорово изувечен.

Он торжественно кивнул:

– Такие вещи случались. Человеческое тело действительно очень прочно, ведь и раньше бывало много случаев, когда самые страшные катастрофы кончались легкими ушибами. Я читал рассказ о человеке, у которого не раскрылся парашют и который выжил и явился на завод собственной персоной, как в старом анекдоте. Но сейчас, мистер Корнелл, разве можно в этом мире скрыть какую-либо тайную организацию? Даже до Райна это было трудно. В вашей сказке не хватает только каких-нибудь секретных знаков, может, особого рукопожатия или, скорее, охватывающей весь мир системы транспортов и вывесок, служащих каким-то ужасным дьявольским целям.

Я разъярился. Дипломированный специалист оказался

слишком близок к истине, чтобы это пришлось мне по вкусу, а он еще издевался. Он довел меня буквально до белого каления.

– Чтобы не слишком углубляться, я хотел бы знать о возможных мотивах такой организации. Вы наделили их сверхчеловеческой силой, даже огромной продолжительностью жизни. Если они хотят захватить власть на Земле, разве им придется применять силу? Или они – мягкотелые супермены, которых не трогает превосходство над человеческой расой, и они только спокойно ждут, пока не исчезнет обычный гомо сапиенс? Разве вы не приписываете им полноправное владение планетой?

Я удрученно покачал головой.

– Ладно. В этом есть своя логика, мистер Корнелл. К тому же вам известно, что даже живя на Марсе и Венере с массой привезенного оборудования, мы чувствуем себя весьма неудобно. Без посторонней помощи мы не прожили бы и минуты на любой из планет Солнечной системы.

– На мой взгляд, эти гипотетические супермены могли бы причинить массу неприятностей, – сболтнул я.

– О, я допускаю, что в вашей истории есть доля правды. Но давайте оставим эти никчемные предположения и увидим полную невозможность скрыть подобную организацию. Даже насаждение их тайных опознавательных знаков в одной мертвой зоне немислимо в современных урбанистических центрах. На их пути всегда встанут несколько телепа-

тов и эсперов. Возможно, группа. Представьте, даже без специальной пси-тренировки, сколько продержится такая компания. Их обнаружат, как только первый же герой влипнет в историю с аварией где-нибудь на Таймс-сквер или же его вытащат из огня в автомобильной катастрофе.

Тут он окинул меня холодным взглядом:

– Опишите это как вымысел, фантазию, мистер Корнелл. Но не упоминайте моего имени. Лучше придерживайтесь фактов.

– Ладно. Но, боюсь, что эти факты скоро всплывут наружу.

– Пусть, – согласился он. – Но признать, что существует какая-то таинственная организация, подпольная группа, мы пока не можем. Мы, кто имеет самые лучшие мозги и самые лучшие деньги за последние двадцать лет.

Я кивнул, и, хотя не согласился с Фелпсом, понял, что настаивать – все равно что оскорбить его в лицо и ждать, пока тебя выставят.

– Хотелось бы посмотреть, чтобы иметь полное представление, – сказал я бесцеремонно.

Фелпс предложил показать мне помещение, и я согласился. Я не встретил ни одного пациента, но Фелпс позволил постоять в коридоре перед комнатами и попробовать мои эспер-способности на человеческой плоти. Это было болезненно и поучительно.

Он пояснил:

– Обычное дело для таких посетителей как вы. Все испытывают желание побыстрее выскочить вон. В медицинских кругах подобную вещь называют «синдром Софома». Слышали?

Я кивнул.

В прежние времена, когда медики слишком мало знали о болезнях, то изучали их, вызывая у себя те же симптомы, что испытывал сам больной. И так с каждым новым пациентом.

– Правильно. Поэтому, чтобы избежать «синдрома Софома», мы демонстрируем подлинные вещи. К тому же, – добавил он серьезно, – мы были бы очень рады, чтобы как можно больше людей могли распознать болезнь как можно быстрее. Пусть даже в настоящее время мы не в силах им помочь, но когда-нибудь это удастся.

Он остановился перед закрытой дверью:

– Здесь девочка восемнадцати лет, должна умереть через месяц...

Его голос сорвался, когда он постучал в дверь комнаты.

Я обмер. Несколько капелек пота скатилось по моей спине, меня забила нервная дрожь. Я прогнал видение, спрятал его как можно глубже и постарался не думать о нем. Вроде бы мне это удалось.

Перестук фелпсовых пальцев по дверной панели был клацающим звуком, характерным для дубленой кожи.

Дипломированный специалист Фелпс был мекстромом!

Сестра Глория Фарроу махнула мне рукой с трапа лайнера, и я бросился подхватить ее багаж. Она внимательно посмотрела на меня, но ничего не сказала, кроме обычного приветствия, и показала на свой чемодан.

Я понимал, что она телепат и все время читает в моем мозгу, поэтому позволил ей узнать все, что было нужно. Потом я велел мозгу бормотать всякую чушь, лишь бы заполнить образовавшееся пустое пространство. Возможно, у меня проскользнула пара мыслей, но ничего существенного. Не говоря ни слова, мисс Фарроу последовала за мной к машине и позволила поставить ее чемодан в багажник.

– Стив Корнелл так же здоров, как и я, – сказала она первым делом.

– Допустим.

– Тогда к чему все это? Вам не нужна сиделка.

– Мне нужен опытный наблюдатель, мисс Фарроу.

– Зачем? – казалось, она недоумевала. – Думаю, что вам стоит сейчас же остановиться и объяснить.

– И вы выслушаете до конца?

– До следующего самолета два часа. У вас есть время либо убедить меня, либо... ну как?

– Идет, – согласился я, и решил рассказать все как есть, от «а» до «я».

Объяснять что-либо телепату – самая милая вещь в мире. Несмотря на то, что в начале я запинаясь, едва домыслил до конца, начал по новой, перескакивая туда-сюда, мисс Фарроу умудрилась заполнить пробелы в хронологии событий. Так что, когда я кончил, в ее глазах загорелся интерес.

«Я сумасшедший?» – послал я вопрос.

– Нет, Стив, – ответила она твердо. – Не думаю. Ты логически все изложил. Хотя в твоём рассказе правда, очевидно, перемешана с вымыслом. Придется выяснить, было ли это на самом деле.

Я хмыкнул:

– А как насчет рехнувшегося парня, который справляется со своим здоровьем с единственной целью – убедить других, что с ним все в порядке? Ведь он знает, что сумасшедшие всегда уверены в своём рассудке.

– Но сумасшедший не станет вдаваться в такие сложности. Я имею в виду, что у него не может возникнуть сомнения, в здравом ли он уме. И оставим это. Теперь я хотела бы знать, куда мы направляемся.

Я сокрушенно покачал головой:

– Вызывая вас, я спланировал все, как дорожную схему. Я собирался выложить вам доказательства, как беспристрастному наблюдателю, прежде чем привлекать и убеждать кого-то еще. Потом мы бы поехали в Медицинский центр и выдали бы им все на блюдечке с голубой каемочкой. Но тут меня ошарашили. Оказалось, что не стоит загадывать так

далеко. Ученый Фелпс оказался мекстромом. А это значит, что парень знает, куда ведет Мекстромова болезнь, и все же скрывает компанию этих проклятых профи, чтобы казаться беспомощным перед лицом незримой болезни. Кроме того, Фелпс может оказаться главой организации, похоже греющей руки на общественном благополучии.

– Вы уверены, что Фелпс, – мекстром?

– Не совсем. Мне пришлось замкнуть мозг, поскольку рядом мог оказаться телепат. Но, по-моему, ни один человек, с нормальными пальцами не может издавать такой костяной звук.

– А ногти?

Я покачал головой:

– Слишком звонко. Ухо уловило бы различие.

– Допустим. Но если отбросить первоначальный план, что мы будем делать дальше?

– Я не знаю. Может быть, стоит вызвать группу ФБР, которая вышла на меня после исчезновения Торндайка, и всучить это дело им.

– Хорошая мысль. Но зачем Фелпсу врать? И какие ты можешь представить доказательства, кроме подозрений?

– Очень немногие. Я допускаю, что мои доказательства очень шатки. Я видел, как Филипп Харрисон заворачивал головки болтов в моторе трактора коротким гаечным ключом. Для этого требуется хороший рычаг и крепкие мускулы. Потом – девица в Огайо, которая превратилась бы в кровавое

месиво от моего угощения. А она вскочила и помчалась за мной. И тут меня озадачило, снялись ли с места Харрисоны оттого, что Мариан подцепила Мекстромову болезнь или же они уехали, почувствовав, что я слишком близок к разгадке тайны. Как вы помните, они уехали сразу после моего визита.

– Звучит слишком туманно, Стив.

– Это вам так кажется, – проворчал я. – А потом я встретил парня, которому следовало бы знать ответы на все вопросы, человека, посвятившего себя общественному благополучию, медицине и идеалам служения человечеству. Человека, давшего клятву Гиппократу. Или, – оборвал я себя, – в этом и заключается клятва Гиппократу?

– Стив, пожалуйста...

– Да, черт побери! – взорвался я. – Почему он спокойно сидит в этой Мекстромовой темнице и открыто льет слезы из-за ужасной смерти своего друга?

– Я не знаю.

– Ладно, попытаемся разобраться, – буркнул я.

– Разобраться? – переспросила она тихо.

– Мисс Фарроу, – сказал я чуть усмехаясь. – Я вижу два возможных ответа. Либо мне дадут разобраться, по какой-то непонятной, но веской причине, либо я стану слишком дерзок и опасен для них, чтобы играть со мной. У меня есть еще около восьми недель, чтобы, скрепя сердце, отказаться от второго, предпочтя первое.

– Но с чего вы взяли, что вам дадут разобраться?

– Я отнюдь не считаю себя такой важной персоной, чтобы меня не устранить так же просто, как Катарину и доктора Торндайка. Да, раз мы уже о нем упомянули, скажите, зачем какому-то доктору, который некогда встретил обычного пациента, посылать ему открытку с посланием, причиняющем ему боль. К тому же, этот парень привлек мое внимание к так называемой «шоковой галлюцинации», при которой Харрисон-старший поднял автомобиль, а Филипп Харрисон бросился в огонь, рискуя из-за меня жизнью. Ну, как? – спросил я резко. – Затем, он отправился в Медицинский центр изучать Мекстромову болезнь. Только вместо того, чтобы осесть там, он послал мне открытку с изображением одного из хайвэев, и бесследно исчез.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.